

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

БУДЕМ КАК
СОЛНЦЕ!
(СБОРНИК)

Константин Дмитриевич Бальмонт

Будем как солнце! (сборник)

Серия «Золотая серия поэзии (Эксмо)»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26105414
Будем как солнце! / Константин Бальмонт: Э; Москва; 2017
ISBN 978-5-04-004491-7, 978-5-04-004492-4*

Аннотация

Константин Бальмонт (1867–1942) – поэт «мимолетности», мгновения, ворвавшийся в русскую поэзию как метеор, один из виднейших представителей старшего поколения символистов и Серебряного века. «Солнечные» стихи, «моцартианское» начало поэзии К. Бальмонта настолько пришлись по душе современникам, что начинающие поэты того времени часто начинали с подражания поэту, как некогда сам Бальмонт начинал с подражания Некрасову. «Кому дорога русская поэзия, тому навсегда будет дорого певучее имя Бальмонта», – сказал о поэте Георгий Адамович. В книге собраны не только самые знаменитые, но и малоизвестные стихи поэта.

Содержание

Струя	7
Из книги «Под северным небом»	8
Фантазия	8
Лунный свет	10
Нить Ариадны	11
Без улыбки, без слов	12
Родная картина	13
«Я знаю, что значит – безумно рыдать...»	14
Призрак	15
Зарождающаяся жизнь	16
Чайка	17
«Я расстался с печальной луною...»	18
«О женщина, дитя, привыкшее играть...»	19
Ласточки	20
Челн томленья	21
Песня без слов	22
Из книги «В безбрежности»	23
«Я мечтою ловил уходящие тени...»	23
Болотные лилии	25
Камыши	26
Лебедь	28
Ковыль	30
Океан	31

«Мы шли в золотистом тумане...»	32
«Слова смолкали на устах...»	33
Слова любви	34
«Тебя я хочу, мое счастье...»	35
Из-под северного неба	36
Млечный путь	37
«Свеча горит и меркнет и вновь горит сильней...»	38
«Не буди воспоминаний. Не волнуй меня...»	39
Ночные цветы	40
«Ночью мне виделся Кто-то таинственный...»	42
Из книги «Тишина»	44
Мертвые корабли	44
Снежные цветы	49
Белый лебедь	55
Нет и не будет	56
Паутинки	57
Гавань спокойная	58
Мечтательный вечер	59
Полуразорванные тучи	60
Пламя	61
Амариллис	62
В непознанный час	63
Я знал	65
Сонет	66
До последнего дня	67

Правда	68
Пройдут века веков	70
Сфинкс	71
Равнина	72
Дон-Жуан	73
Из книги «Горящие здания»	79
Кинжальные слова	79
Морской разбойник	81
Красный цвет	82
Скифы	84
В глухие дни	85
Смерть Димитрия Красного	87
Ангелы опальные	90
Слова любви	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Константин Бальмонт
Будем как
солнце! (сборник)

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Струя

Наклонись над колодцем, – увидишь ты там:
Словно грязная яма чернеется,
Пахнет гнилью, и плесень растет по краям,
И прозрачной струи не виднеется.

Но внизу, в глубине, среди гнили и тьмы,
Там, где пропасть чернеется мглистая,
Как в суровых объятьях угрюмой тюрьмы,
Робко бьется струя серебристая.

1885

Из книги «Под северным небом»

Элегии, стансы, сонеты

1894

Ohne das gefolge der trauer ist mir das göttliche im leben nie erschienen.

Lenau¹

Фантазия

Как живые изваянья, в искрах лунного сиянья,
Чуть трепещут очертанья сосен, елей и берез;
Вещий лес спокойно дремлет, яркий блеск луны
приемлет
И роптанью ветра внемлет, весь исполнен тайных грез.

Слыша тихий стон метели, шепчут сосны, шепчут ели,
В мягкой бархатной постели им отрадно поживать,
Ни о чем не вспоминая, ничего не проклиная,
Ветви стройные склоняя, звукам полночи внимать.

¹ Божественное в жизни всегда являлось мне в сопровождении печали. *Ленау* (нем.).

Чьи-то вздохи, чье-то пенье, чье-то скорбное моление,
И тоска, и упоенье, – точно искрится звезда,
Точно светлый дождь струится, – и деревьям что-то
мнится,
То, что людям не приснится, никому и никогда.
Это мчатся духи ночи, это искрятся их очи,
В час глубокой полуночи мчатся духи через лес.
Что их мучит, что тревожит? Что, как червь, их тайно
гложет?
Отчего их рой не может петь отрадный гимн небес?

Всё сильнее звучит их пенье, всё слышнее в нем
томленье,
Неустанного стремленья неизменная печаль, –
Точно их томит тревога, жажда веры, жажда бога,
Точно мук у них так много, точно им чего-то жаль.
А луна всё льет сиянье, и без муки, без страданья
Чуть трепещут очертанья вещей сказочных стволов;
Все они так сладко дремлют, безучастно стонам внемлют
И с спокойствием приемлют чары ясных, светлых снов.

Лунный свет

Сонет

Когда луна сверкнет во мгле ночной
Своим серпом, блистательным и нежным,
Моя душа стремится в мир иной,
Пленяясь всем далеким, всем безбрежным.

К лесам, к горам, к вершинам белоснежным
Я мчусь в мечтах, как будто дух больной,
Я бодрствую над миром безмятежным,
И сладко плачу, и дышу – луной.

Впиваю это бледное сиянье,
Как эльф, качаюсь в сетке из лучей,
Я слушаю, как говорит молчанье.

Людей родных мне далеко страданье,
Чужда мне вся Земля с борьбой своей,
Я – облачко, я – ветерка дыханье.

Нить Ариадны

Меж прошлым и будущим нить
Я тку неустанной, проворной рукою;
Хочу для грядущих столетий покорно и честно служить
Борьбой, и трудом, и тоскою, –

Тоскою о том, чего нет,
Что дремлет пока, как цветок под водою,
О том, что когда-то проснется, чрез многие тысячи лет,
Чтоб вспыхнуть падучей звездою.

Есть много несказанных слов
И много созданий, не созданных ныне, –
Их столько же, сколько песчинок среди бесконечных
песков
В немой Аравийской пустыне.

Без улыбки, без слов

На алмазном покрове снегов,
Под холодным сияньем луны,
Хорошо нам с тобой! Без улыбки, без слов,
Обитатели призрачной светлой страны,
Погрузились мы в море загадочных снов
 В царстве бледной луны.

Как отратно в глубокий полуночный час
На мгновенье все скорби по-детски забыть
И, забыв, что любовь невозможна для нас,
 Как отратно мечтать и любить –
 Без улыбки, без слов,
 Средь ночной тишины,
 В царстве чистых снегов,
 В царстве бледной луны.

Родная картина

Стаи птиц. Дороги лента.
Повалившийся плетень.
С отуманенного неба
Грустно смотрит тусклый день.

Ряд берез, и вид унылый
Придорожного столба.
Как под гнетом тяжелой скорби
Покачнулася изба.

Полусвет и полусумрак,
И невольно рвешься вдаль,
И невольно давит душу
Бесконечная печаль.

«Я знаю, что значит – безумно рыдать...»

Я знаю, что значит – безумно рыдать,
Вокруг себя видеть пустыню бесплодную,
Что значит – с отчаяньем в зиму холодную
Напрасно весны ожидать.

Но знаю я также, что гимн соловья
Лишь тем и хорош, что похож на рыдание,
Что гор снеговых вековое молчание
Прекрасней, чем лепет ручья.

Призрак

Где б ни был я, везде, как тень, со мной –
Мой милый брат, отшедший в жизнь иную,
Тоскующий, как ангел неземной,
В своей душе таящий скорбь немую, –
Так явственно стоит он предо мной.

И я, как он, и плачу, и тоскую;
Но плачу ли, смеюсь ли, – дух родной, –
Он никогда меня не покидает,
Со мной живет он жизнью одной.

Лишь иногда в тревожный час ночной
Невольно ум в тоске изнемогает,
И я его спрошу: «В стране иной,
За темною загадочной могилой,
Увидимся ль с тобой, о, брат мой милый?»

В его глазах тогда мелькает тень,
И слезы он блестящие роняет,
И как пред ночью тихо гаснет день,
Так от меня он тихо улетает.

Зарождающаяся жизнь

Сонет

Еще последний снег в долине мгlistой
На светлый лик весны бросает тень,
Но уж цветет душистая сирень,
И барвинок, и ландыш серебристый.

Как кроток и отраден день лучистый,
И как приветна ив прибрежных сень.
Как будто ожил даже мшистый пенъ,
Склонясь к воде, бестрепетной и чистой.

Кукушки нежный плач в глуши лесной
Звучит мольбой тоскующей и странной.
Как весело, как горестно весной,

Как мир хорош в своей красе неожиданной –
Контрастов мир, с улыбкой неземной,
Загадочный под дымкою туманной.

Чайка

Чайка, серая чайка с печальными криками носится
Над холодной пучиной морской.
И откуда примчалась? Зачем? Почему ее жалобы
Так полны безграничной тоской?

Бесконечная даль. Неприветное небо нахмурилось.
Закурчавилась пена седая на гребне волны.
Плачет северный ветер, и чайка рыдает, безумная,
Бесприютная чайка из дальней страны.

«Я расстался с печальной луною...»

Катерине Алексеевне Андреевой

Я расстался с печальной луною, –
Удалилась царица небес;
Там, в горах, за их черной стеною,
Ее лик омраченный исчез.

И в предутреннем сумраке ясном
Мне послышался вздох ветерка,
И в лазури, на небе прекрасном,
Отразилась немая тоска.

Силуэты лесных великанов
Молчаливо предстали вдали,
И покровы дрожащих туманов
Над заплаканным лугом легли.

Вся природа казалась больною
И как будто молила меня,
И грустила, прощаясь с луною,
В ожидании знойного дня.

«О женщина, дитя, привыкшее играть...»

О женщина, дитя, привыкшее играть
И взором нежных глаз, и лаской поцелуя,
Я должен бы тебя всем сердцем презирать,
А я тебя люблю, волнуясь и тоскуя!
Люблю и рвусь к тебе, прощаю и люблю,
Живу одной тобой в моих терзаниях страстных,
Для прихоти твоей я душу погублю,
Все, все возьми себе – за взгляд очей прекрасных,
За слово лживое, что истины нежней,
За сладкую тоску восторженных мучений!
Ты, море странных снов, и звуков, и огней!
Ты, друг и вечный враг! Злой дух и добрый гений!

К. Бальмонт. 1892 г.

Ласточки

Земля покрыта тьмой. Окончен день забот.
Я в царстве чистых дум, живых очарований.
На башне вдалеке протяжно полночь бьет,
Час тайных встреч, любви, блаженства и рыданий.

Невольная в душе тоска растет, растет.
Встает передо мной толпа воспоминаний,
То вдруг отпрянет прочь, то вдруг опять прильнет
К груди, исполненной несбыточных желаний.

Так в знойный день, над гладью вод речных
Порою ласточка игриво пронесется,
За ней вослед толпа сестер ее живых.

Веселых спутниц рой как будто бы смеется,
Щебечут громко все, – и каждая из них
Лазури вод на миг крылом своим коснется.

Челн томленья

Князю А. И. Урусову

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн.

Чуждый чистым чарам счастья,
Челн томленья, челн тревог
Бросил берег, бьется с бурей,
Ищет светлых снов чертог.

Мчится взморьем, мчится морем,
Отдаваясь воле волн.
Месяц матовый взирает,
Месяц горькой грусти полн.

Умер вечер. Ночь чернеет.
Ропщет море. Мрак растет.
Челн томленья тьмой охвачен.
Буря воет в бездне вод.

Песня без слов

Ландыши, лютики. Ласки любовные.
Ласточки лепет. Лобзанье лучей.
Лес зеленеющий. Луг расцветающий.
Светлый свободный журчащий ручей.

День догорает. Закат загорается.
Шепотом, ропотом роши полны.
Новый восторг воскресает для жителей
Сказочной светлой свободной страны.

Ветра вечернего вздох замирающий.
Полной луны переменчивый лик.
Радость безумная. Грусть непонятная.
Миг невозможного. Счастья миг.

Из книги «В безбрежности» 1895

*Землю целуй, и неустанно, ненасытимо люби,
всех люби, всё люби, ищи восторга и исступления
сего.*

Достоевский

«Я мечтою ловил уходящие тени...»

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вокруг раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.

А внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И всё выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

⟨1894⟩

Болотные лилии

Побледневшие, нежно-стыдливые,
Распустились в болотной глуши
Белых лилий цветы молчаливые,
И вокруг них шелестят камыши.

Белых лилий цветы серебристые
Вырастают с глубокого дна,
Где не светят лучи золотистые,
Где вода холодна и темна.

И не манят их страсти преступные,
Их волненья к себе не зовут;
Для нескромных очей недоступные,
Для себя они только живут.

Проникаясь решимостью твердою
Жить мечтой и достичь высоты,
Распускаются с пышностью гордою
Белых лилий немые цветы.

Расцветут и поблекнут, бесстрастные,
Далеко от владений людских,
И распускаются снова, прекрасные, –
И никто не узнает о них.

Камыши

Полночной порою в болотной глуши
Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши.

О чем они шепчут? О чем говорят?
Зачем огоньки между ними горят?

Мелькают, мигают – и снова их нет.
И снова забрезжил блуждающий свет.

Полночной порой камыши шелестят.
В них жабы гнездятся, в них змеи свистят.

В болоте дрожит умирающий лик.
То месяц багровый печально поник.

И тиной запахло. И сырость ползет.
Трясина заманит, сожмет, засосет.

«Кого? Для чего?» – камыши говорят.
«Зачем огоньки между нами горят?»

Но месяц печальный безмолвно поник.
Не знает. Склоняет всё ниже свой лик.

И вздох повторяя погибшей души,

Тоскливо, бесшумно, шуршат камыши.

«Июль 1895»

Лебедь

Заводь спит. Молчит вода зеркальная.
Только там, где дремлют камыши,
Чья-то песня слышится, печальная,
 Как последний вздох души.

Это плачет лебедь умирающий,
Он с своим прошедшим говорит,
А на небе вечер догорающий
 И горит и не горит.

Отчего так грустны эти жалобы?
Отчего так бьется эта грудь?
В этот миг душа его желала бы
 Невозвратное вернуть.

Все, чем жил с тревогой, с наслаждением,
Все, на что надеялась любовь,
Проскользнуло быстрым сновидением,
 Никогда не вспыхнет вновь.

Все, на чем печать непоправимого,
Белый лебедь в этой песне слил,
Точно он у озера родимого
 О прощении молил.

И когда блеснули звезды дальние,
И когда туман вставал в глуши,
Лебедь пел все тише, все печальнее,
И шептались камыши.

Не живой он пел, а умирающий,
Оттого он пел в предсмертный час,
Что пред смертью, вечной, примиряющей,
Видел правду в первый раз.

КОВЫЛЬ

И. А. Бушину

Точно призрак умирающий,
На степи ковыль качается,
Смотрит месяц догорающий,
Белой тучкой омрачается.

И блуждают тени смутные
По пространству неоглядному,
И непрочные, минутные,
Что-то шепчут ветру жадному.

И мерцание мелькнувшее
Исчезает за туманами;
Утонувшее минувшее
Возникает над курганами.

Месяц меркнет, омрачается,
Догорающий и тающий,
И, дрожа, ковыль качается,
Точно призрак умирающий.

Океан

Сонет

Валерию Брюсову

Вдали от берегов Страны Обетованной,
Храня на дне души надежды бледный свет,
Я волны вопрошал, и океан туманный
Угрюмо рокотал и говорил в ответ:

«Забудь о светлых снах. Забудь. Надежды нет.
Ты вверился мечте обманчивой и странной.
Скитайся дни, года, десятки, сотни лет –
Ты не найдешь нигде Страны Обетованной».

И вдруг поняв душой всех дерзких снов обман,
Охвачен пламенной, но безутешной думой,
Я горько спросил безбрежный океан,

Зачем он страстных бурь питает ураган,
Зачем волнуется, – но океан угрюмый,
Свой ропот заглушив, окутался в туман.

«Мы шли в золотистом тумане...»

Мы шли в золотистом тумане
И выйти на свет не могли,
Тонули в немом океане,
Как тонут во мгле корабли.
Нам снились видения рая,
Чужие леса и луга,
И прочь от родимого края
Иные влекли берега.

Стремясь ускользящим взглядом
К пределам безвестной земли,
Дышали с тобою мы рядом,
Но был я как будто вдали.

И лгали нам ветры и тучи,
Смеялись извивы волны,
И были так странно певучи
Беззвучные смутные сны.

И мы бесконечно тонули,
Стремясь от влаги к земле, —
И звезды печально шепнули,
Что мы утонули во мгле.

«Слова смолкали на устах...»

Слова смолкали на устах,
Мелькал смычок, рыдала скрипка,
И возникала в двух сердцах
Безумно-светлая ошибка.

И взоры жадные слились
В мечте, которой нет названья,
И нитью зыбкою сплелись,
Томясь и не страшась признанья.

Среди толпы, среди огней
Любовь росла и возрастала,
И скрипка, точно слившись с ней,
Дрожала, пела и рыдала.

Слова любви

Слова любви всегда бессвязны,
Они дрожат, они алмазны,
Как в час предутренний – звезда;
Они журчат, как ключ в пустыне,
С начала мира и доньше,
И будут первыми всегда;
Всегда дробясь, повсюду цельны,
Как свет, как воздух, беспредельны,
Легки, как всплески в тростниках,
Как взмахи птицы опьяненной,
С другою птицею сплетенной
В летучем беге, в облаках.

«Тебя я хочу, мое счастье...»

Тебя я хочу, мое счастье,
Моя неземная краса!
Ты – солнце во мраке ненастья,
Ты – жгучему сердцу роса!

Любовью к тебе окрыленный,
Я брошусь на битву с судьбой.
Как колос, грозой опаленный,
Склонюсь я во прах пред тобой.

За сладкий восторг упоенья
Я жизнью своей заплачу!
Хотя бы ценой преступления –
Тебя я хочу!

28 ноября 1894

Из-под северного неба

Из-под северного неба я ушел на светлый Юг,
Где звучнее поцелуи, где пышной цветущий луг.
Я хотел забыть о смерти, я хотел убить печаль,
И умчался беззаботно в неизведанную даль.

Отчего же здесь, на Юге, мне мерещится метель,
Снятся снежные сугробы, тусклый месяц, сосны, ель?
Отчего же здесь, на Юге, где широк мечты полет,
Мне так хочется увидеть воды, убранные в лед?

Да, не понял я, не понял, что с тоскливою душой
Не должны мы вдаль стремиться, в край волшебный и
чужой!

Да, не понял я, не понял, что родимая печаль
Лучше, выше и волшебней, чем чужбины ширь и даль!

Полным слез, туманным взором я вокруг себя гляжу,
С обольстительного Юга вновь на Север ухожу.
И как узник, полюбивший долголетний мрак тюрьмы,
Я от солнца удаляюсь, возвращаясь в царство тьмы.

Млечный путь

Месяца не видно. Светит Млечный Путь.
Голову седую свесивши на грудь,
Спит ямщик усталый. Кони чуть идут.
Звезды меж собою разговор ведут.
Звезды золотые блещут без конца.
Звезды прославляют Господа Творца.
«Господи», – спросонок прошептал ямщик,
И, крестясь, зевает, и опять поник,
И опять склонил он голову на грудь.
И скрипят полозья. Убегает путь.

«Свеча горит и меркнет и вновь горит сильнее...»

Свеча горит и меркнет и вновь горит сильнее,
Но меркнет безвозвратно сиянье юных дней.
Гори же, разгорайся, пока еще ты юн,
Сильней, полней касайся сердечных звонких струн,
Чтоб было что припомнить на склоне трудных лет,
Чтоб старости холодной светил нетленный свет –
Мечтаний благородных, порывов молодых,
Безумных, но прекрасных, безумных – и святых.

«Не буди воспоминаний. Не волнуй меня...»

Не буди воспоминаний. Не волнуй меня.
Мне отраден мрак полночный. Страшен светоч дня.

Был и я когда-то счастлив. Верил и любил.
Но когда и где, не помню. Все теперь забыл.

С кем я жизнь свою размыкал? И зачем, зачем?
Сам не знаю. В сердце пусто. Ум бессильный нем.

Дождь струится беспощадный. Ветер бьет в окно.
Смех беспечный стих и замер – далеко, давно.

Для чего ж ты вновь со мною, позабытый друг?
Точно тень, встаешь и манишь. Но темно вокруг.

Мне не нужен запоздалый, горький твой привет.
Не хочу из тьмы могильной выходить на свет.

Нет в душе ни дум, ни звуков. Нет в глазах огня.
Тише, тише. Засыпаю. Не буди меня.

Ночные цветы

В воздухе нежном прозрачного мая
Дышит влюбленность живой теплоты:
В легких объятьях друг друга сжимая,
Дышат и шепчут ночные цветы.
Тени какие-то смутно блуждают,
Звуки невнятные где-то звенят,
В воздухе тают, и вновь возрастают,
Льется с цветов упоительный яд.

То не жасмин, не фиалки, не розы,
То не застенчивых ландышей цвет,
То не душистый восторг туберозы, –
Этим растениям названия нет.

Только влюбленным дано их увидеть,
С ними душою весь мир позабыть,
Тем, что не могут друг друга обидеть,
Тем, что умеют ласкать и любить.

Знай же, о, счастье, любовь золотая,
Если тебя я забыться молю,
Это – дыханье прозрачного Мая,
Это – тебя я всем сердцем люблю.

Если виденья в душе пролетают,

Если ты жаждешь и ждешь Красоты, –
Это вблизи где-нибудь расцветают,
Где-нибудь дышат – ночные цветы.

«Ночью мне виделся Кто-то таинственный...»

Ночью мне виделся Кто-то таинственный,
Тихо склонялся Он, тихо шептал;
Лучшей надеждою, думой единственной,
Светом нездешним во мне трепетал.

Ждал меня, звал меня долгими взорами,
К небу родимому путь открывал,
Гимны оттуда звучали укорами,
Сон позабытый все ярче вставал.

Что от незримых очей заслонялося
Тканью телесною, грезами дня,
Все это с ласкою нежной склонялося,
Выше и выше манило меня.

Пали преграды, и сладкими муками
Сердце воскресшее билось во мне,
Тени вставали и таяли звуками,
Тени к родимой влекли стороне.

Звали Эдема воздушные жители
В царство, где Роза цветет у Креста.
Вот уж я с ними... в их тихой обители...

«Где же я медлил?» – шептали уста.

Из книги «Тишина»
Лирические поэмы
1898

Есть некий час всемирного молчанья.
Тютчев

Мертвые корабли
Поэма (отрывки)

Прежде чем душа найдет возможность постигать и дерзнет припоминать, она должна соединиться с Безмолвным Глаголом, – и тогда для внутреннего слуха будет говорить Голос Молчания.
Из индийской мудрости

1

Между льдов затерты, спят в тиши морей
Остовы немые мертвых кораблей.
Ветер быстролетный, тронув паруса,
Прочь спешит в испуге, мчится в небеса.

Мчится – и не смеет бить дыханьем твердь,
Всюду видя только бледность, холод, смерть.
Точно саркофаги, глыбистые льды
Длинною толпою встали из воды.
Белый снег ложится, вьется над волной,
Воздух заполняя мертвой белизной.
Вьются хлопья, вьются, точно стаи птиц,
Царству белой смерти нет нигде границ.
Что ж вы здесь искали, выброски зыбей,
Остовы немые мертвых кораблей?

5

«Мы плыли – всё дальше – мы плыли,
Мы плыли не день и не два.
От влажной крутящейся пыли
Кружилась не раз голова.

Туманы клубились густые,
Вставал и гудел океан, –
Как будто бы ведьмы седые
Раскинули вражеский стан.

И туча бежала за тучей,
За валом мятежился вал.
Встречали мы остров плавучий,
Но он от очей ускользал.

И там, где из водного плена
На миг восставали цветы,
Крутилась лишь белая пена,
Сверкая среди темноты.

И дерзко смеялись зарницы,
Манившие миром чудес.
Кружились зловещие птицы
Под склепом пустынных небес.

Буруны закрыли со стоном
Сверканье Полярной Звезды.
И вот уж с пророческим звоном
Идут, надвигаются льды.

Так что ж, и для нас развернула
Свой свиток седая печаль?
Так, значит, и нас обманула
Богатая сказками даль?

Мы отданы белым пустыням,
Мы тризну свершаем во льдах,
Мы тонем, мы гаснем, мы стынем
С проклятьем на бледных устах!»

Скрипя, бежит среди валов
Гигантский гроб, скелет плавучий.
В телах обманутых пловцов
Иссяк светильник жизни жгучей.

Огромный остов корабля
В пустыне моря быстро мчится,
Как будто где-то есть земля,
К которой жадно он стремится.

За ним, скрипя, среди зыбей
Несутся бешено другие,
И привиденья кораблей
Тревожат области морские.

И шепчут волны меж собой,
Что дальше их пускать не надо,
И встала белою толпой
Снегов и льдистых глыб громада.

И песни им надгробной нет,
Бездушен мир пустыни сонной,
И только солнца красный свет
Горит, как факел похоронный.

9 декабря 1895 года

Снежные цветы

1

В жажде сказочных чудес,
В тихой жажде снов таинственных
 Я пришел в полночный лес,
 Я раздвинул ткань завес
В храме гениев единственных.

В храме гениев мечты
Слышу возгласы несмелые.
 То – обеты чистоты,
 То – нездешние цветы.
Всё цветы воздушно-белые.

2

Я тревожный призрак, я стихийный гений,
В мире сновидений жить мне суждено,
Быть среди дыханья сказочных растений,
Видеть, как безмолвно спит морское дно.

Только вспыхнет Вesper, только месяц глянет,
Только ночь настанет раннею весной, –
Сердце жаждет чуда, ночь его обманет,
Сердце умирает с гаснущей луной.

Вновь белеет утро, тает рой видений,
Каждый вздох растений шепчет для меня:
«О мятежный призрак, о стихийный гений,
Будем жаждать чуда, ждать кончины дня!»

3

В глубине души рожденные,
Чутким словом пробужденные,
Мимолетные мечты,
Еле вспыхнув, улыбаются,
Пылью светлой осыпаются,
Точно снежные цветы, –

Безмятежные, свободные,
Миру чуждые, холодные
Звезды призрачных небес,
Те, что светят над пустынями,
Те, что властвуют святынями
В царстве сказок и чудес.

Я когда-то был сыном Земли,
Для меня маргаритки цвели,
Я во всем был похож на других,
Был в цепях заблуждений людских.

Но, земную печаль разлюбив,
Разлучен я с колосьями нив,
Я ушел от родимой межи –
За пределы и правды и лжи.

И в душе не возникнет упрек,
Я постиг в мимолетном намек,
Я услышал таинственный зов,
Бесконечность немых голосов.

Мне открылось, что времени нет,
Что недвижны узоры планет,
Что бессмертие к смерти ведет,
Что за смертью бессмертие ждет.

Ожиданьем утомленный, одинокий, оскорбленный,
Над пустыней полусонной умирающих морей,
Не похож на человека, я блуждаю век от века,
Век от века вижу волны, вижу брызги янтарей.

Ускользящая пена... Поминутная измена...
Жажда вырваться из плена, вновь изведать гнет оков.
И в туманности далекой, оскорбленный, одинокий,
Ищет гений светлоокий неизвестных берегов.

Слышит крики: «Светлый гений!.. Возвратись на стон
мучений...

Для прозрачных сновидений... К мирным храмам... К
очагу...»

Но за далью небосклона гаснет звук родного звона,
Человеческого стона полюбить я не могу.

6

Мне странно видеть лицо людское,
Я вижу взоры существ иных,
Со мною ветер и всё морское,
Всё то, что чуждо для дум земных.

Со мною тени, за мною тени,
Я слышу сказку морских глубин,
Я царь над царством живых видений,

Всегда свободный, всегда один.

Я слышу бурю, удары грома,
Пожары молний горят вдали,
Я вижу остров, где всё знакомо,
Где я – владыка моей земли.

В душе холодной мечты безмолвны,
Я слышу сердцем полет времен,
Со мною волны, за мною волны,
Я вижу вечный – всё тот же – сон.

7

Я вольный ветер, я вечно вею,
Волную волны, ласкаю ивы,
В ветвях вздыхаю, вздохнув, немею,
Лелею травы, лелею нивы.

Весною светлой, как вестник мая,
Целую ландыш, в мечту влюбленный,
И внемлет ветру лазурь немая, –
Я вею, млею, воздушный, сонный.

В любви неверный, расту циклоном,
Взметаю тучи, взрываю море,
Промчусь в равнинах протяжным стоном –

И гром проснется в немом просторе.

Но, снова легкий, всегда счастливый,
Нежней, чем фея ласкает фею,
Я льну к деревьям, дышу над нивой
И, вечно вольный, забвеньем вею.

⟨1896⟩

Белый лебедь

Белый лебедь, лебедь чистый,
Сны твои всегда безмолвны,
Безмятежно-серебристый,
Ты скользишь, рождая волны.

Под тобою – глубь немая,
Без привета, без ответа,
Но скользишь ты, утопая
В бездне воздуха и света.

Над тобой – эфир бездонный
С яркой Утренней Звездой,
Ты скользишь, преображенный
Отраженной красотой.

Ласка нежности бесстрастной,
Недосказанной, несмелой,
Призрак женственно-прекрасный,
Лебедь чистый, лебедь белый!

Нет и не будет

Как нам отрадно задуматься в сумерках светлых вдвоем!
Тень пролетевшего ангела вижу во взоре твоём.
Сердце трепещет восторженно вольною радостью птиц.
Вижу блаженство, сокрытое бархатной тенью ресниц.

Руки невольно касаются милых сочувственных рук.
Призраки мирного счастья кротко столпились вокруг.
Белыми светлыми крыльями веют и реют во мгле.
Как нам отрадно проникнуться правдой Небес на Земле!

Нет, и не будет, и не было сердца нежней твоего,
Нет, и не будет, и не было, кроме тебя, ничего.
Вот мы блаженны, как ангелы, вот мы с тобою вдвоем.
Друг мой, какое признание вижу во взоре твоём!

Паутинки

Если вечер настанет и длинные, длинные
Паутинки, летая, блистают по воздуху,
Вдруг запросятся слезы из глаз беспричинные,
И стремишься из комнаты к воле и к отдыху.

И, мгновенью отдавшись, как тень, преклоняешься,
Удивляешься Солнцу, за лесом уснувшему,
И с безмолвием странного мира сливаешься,
Уходя к незабвенному, к счастью минувшему.

И проходишь мечтою аллеи старинные,
Где в вечернем сиянии ждал неизвестного
И ребенком следил, как проносятся длинные
Паутинки воздушные, тени Чудесного.

Гавань спокойная

Гавань спокойная. Гул умирающий.
Звон колокольный, с небес долетающий.
Ангелов мирных невнятное пение.
Радость прозрачная. Сладость забвения.

Гор отдаленных вершины узорные,
Алые, белые, темные, черные.
Созданный духами ярко-певучими,
Радуги свод над огромными тучами.

Сладко-печальная, мгла полусонная.
Тихой вечерней звездой озаренная.
Богом открытая правда мгновения.
Буря умершая. Свет и забвение.

Мечтательный вечер

Мечтательный вечер над лесом дышал безмятежно,
От новой Луны протянулась лучистая нить,
И первые звезды мерцали так слабо и нежно,
Как будто бы ветер чуть слышный их мог погасить.

И было так странно, и были так сказочны ели,
Как мертвая сталь, холодела поверхность реки,
О чем-то невнятном, о чем-то печальном, без цели,
Как будто бы пели над влажным песком тростники.

И в бледном объятии две тени родные дрожали,
И каждой хотелось в другой о себе позабыть,
Как будто бы можно в блаженстве не ведать печали,
Как будто бы сердце людское способно любить!

Полуразорванные тучи

Полуразорванные тучи
Плывут над жадною землей,
Они, спокойны и могучи,
Поют весь мир холодной мглой.
Своими взмахами живыми
Они дают и дождь, и тень,
Они стрелами огневыми
Сжигают избы деревень.

Есть души в мире – те же тучи,
Для них земля – как сон, как твердь,
Они, спокойны и могучи,
Даруют жизнь, даруют смерть.

Рабы мечты и сладострастья,
В себе лелеют дар певца,
Они навек приносят счастье,
И губят, губят без конца.

Пламя

Нет. Уходи скорей. К восторгам не зови.
Любить? – Любя, убить, – вот красота любви.
Я только миг люблю, и удаляюсь прочь.
Со мной был яркий день, за мной клубится ночь.

Я не люблю тебя. Мне жаль тебя губить.
Беги, пока еще ты можешь не любить.
Как жернов буду я для полудетских плеч.
Светить и греть?.. – Уйди! Могу я только жечь.

Амариллис

Амариллис, бледная светлана!
Как неожиданно сердце мне смутили
Ласки мимолетного обмана,
Чашечки едва раскрытых лилий.
О, как сладко светлое незнание!
Долго ли продлится обаяние,
Много ль золотистого тумана,
Сколько будет жить моя светлана?

Призрак упований запредельных,
Тайна предрассветного мечтанья,
Радостей прозрачных и бесцельных, –
С чем тебя сравню из мирозданья?
С ландышем сравнить тебя не смею,
Молча амариллис я лелею.
Стройная пленительностью стана,
Бледная воздушная светлана!

В непознанный час

И новые волны
В непознанный час,
Всё новые волны
Вставали для нас.

Шумели, сверкали
И к дали влекли,
И гнали печали,
И пели вдали:

«Гляди, погляди же,
Как бездна светла!
Всё ближе и ближе
Лазурная мгла!»

Как синие горы,
Упавшие вниз,
Морские узоры
В громаду слились.

Закрыли громадой
Меня и тебя.
Я гибну с отрадой,
Я гасну любя.

В загадочном взоре,
Волнуясь, тону
И слушаю в море
Морскую волну.

Я знал

М. А. Лохвицкой

Я знал, что, однажды тебя увидав,
Я буду любить тебя вечно.
Из женственных женщин богиню избрав,
Я жду – я люблю – бесконечно.

И если обманна, как всюду, любовь,
Любовью и мы усладимся.
И если с тобою мы встретимся вновь,
Мы снова чужими простимся.

А в час преступления, улыбок и сна
Я буду – ты будешь – далеко,
В стране, что для нас навсегда создана,
Где нет ни любви, ни порока.

Сонет

Люблю твоё лицо в блаженный час ночной;
Преображенные волшебницей луной –
Бледны твои черты, и пламенные очи
Горят, как две звезды, во мраке полуночи.

Люблю я наблюдать, как чудно меркнет в них
Подавленный огонь безумного желанья,
То вспыхнет... то замрёт... И неги трепетанье
Блится глубоко в тени ресниц густых...

Люблю я этот взор, чарующий и властный,
Когда дрожишь ты весь в истоме сладострастной...
И, голову с мольбой на грудь твою склонив,

Изнемогаю я от счастья и муки...
И силы падают... и холодеют руки...
И страсти бешеной я чувствую прилив!..

Мирра Лохвицкая

До последнего дня

Быть может, когда ты уйдешь от меня,
Ты будешь ко мне холодней.
Но целую жизнь, до последнего дня,
О друг мой, ты будешь моей.

Я знаю, что новые страсти придут,
С другим ты забудешься вновь.
Но в памяти прежние образы ждут,
И старая тлеет любовь.

И будет мучительно-сладостный миг:
В лучах отлетевшего дня,
С другим заглянувши в бессмертный родник,
Ты вздрогнешь – и вспомнишь меня.

Правда

*А правда пошла по поднебесью.
Из Голубиной книги*

Кривда с Правдою сходились,
Кривда в споре верх взяла.
Правда в солнце превратилась,
В мире чистый свет зажгла.

Удалилась к поднебесью,
Бросив Кривду на земле,
Светит лугу, перелесью,
Жизнь рождает в мертвой мгле.

С той поры до дней текущих
Только Правдой и жива
Меж цветов и трав цветущих
Жизни грусть – плакун-трава.

С той поры на синем море,
Там, где вал непобедим,
Правды ждет с огнем во взоре
Птица мощная Стратим.

И когда она протянет
Два могучие крыла,

Солнце встанет, море грянет:

«Правда, Правда в мир пришла!»

Пройдут века веков

Пройдут века веков, толпы тысячелетий,
Как тучи саранчи, с собой несущей смерть,
И в быстром ропоте испуганных столетий
До горького конца пребудет та же твердь, –

Немая, мертвая, отвергнутая богом,
Живущим далеко в беззвездных небесах,
В дыханьи вечности, за гранью, за порогом
Всего понятного, горящего в словах.

Всегда холодная, пустыня звезд над нами
Останется чужой до горького конца,
Когда она падет кометными огнями,
Как брызги слез немых с печального лица.

Ноябрь 1896

Сфинкс

Среди песков пустыни вековой
Безмолвный Сфинкс царит на фоне ночи.
В лучах луны гигантской головой
Встает, растет, – глядят, не видя, очи.

С отчаяньем живого мертвеца,
Воскресшего в безвременной могиле,
Здесь бился раб, томился без конца, –
Рабы кошмар в граните воплотили.

И замысел чудовищной мечты
Средь вечности, всегда однообразной,
Восстал – как враг обычной красоты,
Как сон, слепой, немой и безобразный.

⟨1897⟩

Равнина

Как угрюмый кошмар исполина,
Поглотивши луга и леса,
Без конца протянулась равнина
И краями ушла в небеса.

И краями пронзила пространство,
И до звезд прикоснулась вдали,
Затенив мировое убранство
Монотонной печалью земли.

И далекие звезды застыли
В беспредельности мертвых небес,
Как огни бриллиантовой пыли
На лазури предвечных завес.

И в просторе пустыни бесплодной,
Где недвижим кошмар мировой,
Только носится ветер холодный,
Шевеля пожелтевшей травой.

Декабрь 1896

Дон-Жуан

(Отрывки из ненаписанной поэмы)

*But now I am an emperor of a world, this little world
of man. My passions are my subjects.*

Turner

*Но теперь я властитель над целым миром, над
этим малым миром человека. Мои страсти – мои
подданные.*

Тернер

1

La luna plena ... Полная луна...
Иньес, бледна, целует, как гитана².
Те ато... ато ...³ Снова тишина...
Но мрачен взор упорный Дон-Жуана.

Слова солгут – для мысли нет обмана, –
Любовь детей – она ему смешна.
Он видел всё, он понял слишком рано
Значение мечтательного сна.

² Гитана – испанская гитара.

³ Тебя люблю... люблю... (исп.)

Переходя от женщины продажной
К монахине, безгрешной, как мечта,
Стремясь к тому, в чем дышит красота,

Ища улыбки глаз бездонно-влажной,
Он видел сон земли – не сон небес,
И жар души испытанной исчез.

2

Он будет мстить. С бесстрашием пирата
Он будет плыть среди бесплодных вод.
Ни родины, ни матери, ни брата.
Над ним навис враждебный небосвод.

Земная жизнь – постылый ряд забот,
Любовь – цветок, лишенный аромата.
О, лишь бы плыть – куда-нибудь – вперед, –
К развенчанным святыням нет возврата.

Он будет мстить. И тысячи сердец
Поработит дыханием отравы.
Взамен мечты он хочет мрачной славы.

И женщины сплетут ему венец,
Теря всё за сладкий миг обмана,

В проклятьях восхваляя Дон-Жуана.

3

Что ж, Дон-Люис? Вопрос – совсем нетрудный.

Один удар его навек решит.

Мы связаны враждою обоюдною.

Ты честный муж, – не так ли? Я бандит?

Где блещет шпага – там язык молчит.

Вперед! Вот так! Прекрасно! Выпад чудный!

А, Дон-Люис! Ты падаешь? Убит.

In pace requiescat⁴. Безрассудный!

Забыл, что Дон-Жуан неуязвим!

Быть может, самым адом я храним,

Чтоб стать для всех примером лютой казни?

Готов служить. Не этим, так другим.

И мне ли быть доступным для боязни,

Когда я жаждой мести одержим!

⁴ Покойся с миром (лат.).

4

Сгущался вечер. Запад угасал.
Взошла луна за темным океаном.
Опять кругом гремел стозвучный вал,
Как шум грозы, летящей по курганам.

Я вспомнил степь. Я вижу за туманом
Усадьбу, сад, нарядный бальный зал,
Где тем же сладко-чувственным обманом
Я взоры русских женщин зажигал.

На зов любви к красавице-княгине
Вошел я тихо-тихо, точно вор.
Она ждала. И ждет меня доныне.

Но ночь еще хранила свой убор,
А я летел, как мчится смерч в пустыне,
Сквозь степь я гнал коня во весь опор.

5

Промчались дни желанья светлой славы,
Желанья быть среди полубогов.

Я полюбил жестокие забавы,
Полеты акробатов, бой быков,
Зверинцы, где свиваются удавы,
И девственность, вводимую в альков –
На путь неопикуемых видений,
Блаженно-извращенных наслаждений.

Я полюбил пленяющий разврат
С его неутраляющей усладой,
С его пренебреженьем всех преград,
С его – ему лишь свойственной – отрадой.
Со всех цветов собирая аромат,
Люблю я жгучий зной сменить прохладой
И, взяв свое в любви с чужой женой,
Встречать ее улыбкой ледяной.

И вдруг опять в душе моей проглянет
Какой-то сон, какой-то свет иной,
И образ мой пред женщиной предстанет
Окутанным печалью неземной.
И вновь ее он как-то сладко ранит,
И вновь – раба, она пойдет за мной
И поспежит отдаться наслажденью
Восторженной и гаснущей тенью.

Любовь и смерть, блаженство и печаль
Во мне живут красивым сочетаньем,
Я всех маню, как тонущая даль –
Уклончивым и тонким очертаньем,

Блистательно-убийственным, как сталь
С ее немым змеиным трепетаньем.
Я весь – огонь, и холод, и обман,
Я – радугой пронизанный туман.

Из книги «Горящие здания» *Лирика современной души* 1900

*Мир должен быть оправдан весь, чтоб можно
было жить.*

К. Бальмонт

Кинжальные слова

I will speak daggers.

Hamlet⁵

Я устал от нежных снов,
От восторгов этих цельных
Гармонических пиров
И напевов колыбельных.
Я хочу порвать лазурь
Успокоенных мечтаний.
Я хочу горящих зданий,
Я хочу кричащих бурь!

⁵ Я буду говорить резко. *Гамлет* (англ.).

Упоение покоя –
Усыпление ума.
Пусть же вспыхнет море зноя,
Пусть же в сердце дрогнет тьма.

Я хочу иных бряцаний
Для моих иных пиров.
Я хочу кинжальных слов
И предсмертных восклицаний!

Морской разбойник

Есть серая птица морская с позорным названьем:
глупыш.

Летит она вяло и низко, как будто бы спит, но – глядишь,
Нависши уродливым телом над быстро сверкнувшей
волной,

Она увлекает добычу с блестящей ее чешуей.

Она увлекает добычу, но, дерзок, красив и могуч,

Над ней альбатрос длиннокрылый, покинув
возвышенность туч,

Как камень, низринутый с неба, стремительно падает ниц

При громких встревоженных криках окрест
пролетающих птиц.

Ударом свирепого клюва он рыбу швырнет в пустоту

И, быстрым комком промелькнувши, изловит ее на лету,

И, глупую птицу ограбив, он крылья расправит свои –

И виден в его уже клюве блестящий отлив чешуи.

Морской и воздушный разбойник, тебе я слагаю свой
стих,

Тебя я люблю за бесстыдство пиратских порывов твоих.

Вы, глупые птицы, спешите, ловите сверкающих рыб,

Чтоб метким хватистым клювом он в воздухе их
перешиб!

Красный цвет

Быть может, предок мой был честным палачом:
Мне маки грезятся, согретые лучом,
Гвоздики алые и, полные угрозы,
Махрово-алчные, раскрывшиеся розы.
Я вижу лилии над зыбкою волной:
Окравленные багряною Луной,
Они, забыв свой цвет, безжизненно-усталый,
Мерцают сказочно окраской ярко-алой,
И с сладким ужасом, в застывшей тишине,
Как губы тянутся и тянутся ко мне.

И кровь поет во мне... И в таинстве заклатья
Мне шепчут призраки: «Скорее! К нам в объятия!
Целуй меня... Меня!.. Скорей... Меня... Меня!..»
И губы жадные, на шабаш свой маня,
Лепечут страшные призывные признанья:

«Нам все позволено... Нам в мире нет изгнания...
Мы всюду встретимся... Мы нужны для тебя...
Под красным Месяцем, огни лучей дробя,
Мы объясним тебе все бездны наслажденья,
Все тайны вечности и смерти и рожденья».

И кровь поет во мне. И в зыбком полусне
Те звуки с красками сливаются во мне.

И близость нового, и тайного чего-то,
Как пропасть горная, на склоне поворота,
Меня баюкает, и вкрадчиво зовет,
Туманом огненным окутан небосвод,
Мой разум чувствует, что мне, при виде крови
Весь мир откроется, и все в нем будет внове.
Смеются маки мне, пронзенные лучом...
Ты слышишь, предок мой? Я буду палачом!

Скифы

Мы блаженные сонмы свободно кочующих скифов,
Только воля одна нам превыше всего дорога.
Бросив замок Ольвийский с его изваяньями грифов,
От врага укрываясь, мы всюду настигнем врага.

Нет ни капищ у нас, ни богов, только зыбкие тучи
От востока на запад молитвенным светят лучом.
Только богу войны темный хворост слагаем мы в кучи
И вершину тех куч украшаем железным мечом.

Саранчой мы летим, саранчой на чужое нагрянем,
И бесстрашно насытим мы алчные души свои.
И всегда на врага тетиву без ошибки натянем,
Напитавши стрелу смертоносною жёлчью змеи.

Налетим, прошумим – и врага повлечем на аркане,
Без оглядки стремимся к другой непочатой стране.
Наше счастье – война, наша верная сила – в колчане,
Наша гордость – в незнающем отдыха быстром коне.

В глухие дни

Предание

В глухие дни Бориса Годунова,
Во мгле Российской пасмурной страны,
Толпы людей скитались без крова,
И по ночам всходило две луны.

Два солнца по утрам светило с неба,
С свирепостью на дольный мир смотря.
И вопль протяжный: «Хлеба! Хлеба! Хлеба!» –
Из тьмы лесов стремился до царя.

На улицах иссохшие скелеты
Щипали жадно чахлую траву,
Как скот, озверены и неодеты, –
И сны осуществлялись наяву.

Гроба, отяжелевшие от гнили,
Живым давали смрадный адский хлеб,
Во рту у мертвых сено находили,
И каждый дом был сумрачный вертеп.

От бурь и вихрей башни низвергались,
И небеса, таясь меж туч тройных,
Внезапно красным светом озарялись,

Являя битву воинств неземных.

Невиданные птицы прилетали,
Орлы парили с криком над Москвой,
На перекрестках, молча, старцы ждали,
Качая поседевшей головой.

Среди людей блуждали смерть и злоба,
Узрев комету, дрогнула земля,
И в эти дни Димитрий встал из гроба,
В Отрепьева свой дух переселя.

Смерть Димитрия Красного

Предание

Нет, на Руси бывали чудеса
Не меньшие, чем в отдаленных странах.
К нам также благосклонны небеса,
Есть и для нас мерцания в туманах.

Я расскажу о чуде старых дней,
Когда, опустошая нивы, доли,
Врываясь в села шайками теней,
Терзали нас бесчинные моголы.

Жил в Галиче тогда несчастный князь,
За красоту был зван Димитрий Красный.
Незримая меж ним и небом связь
В кончине обозначилась ужасной.

Смерть странная была ему дана.
Он вдруг, без всякой видимой причины,
Лишился вкуса, отдыха и сна,
Но никому не сказывал кручины.

Кровь из носу без устали текла.
Быть приобщен хотел святых он таин,
Но страшная на нем печать была:

Вкруг рта – всё кровь, и он глядел – как Каин.

Толпилися бояре, позабыв
Себя – пред ликом горького злосчастья.
И вот ему, молитву сотворив,
Заткнули ноздри, чтобы дать причастье.

Димитрий успокоился, притих,
Вздыхнув, заснул, и всем казался мертвым.
И некий сон, но не из снов земных,
Витал над этим трупом распростертым.

Оплакали бояре мертвеца
И, крепкого они испивши меда,
На лавках спать легли. А у крыльца
Росла толпа безмолвного народа.

И вдруг один боярин увидал,
Как, шевельнув чуть зримо волосами,
Мертвец, покров содвинув, тихо встал –
И начал петь с закрытыми глазами.

И в ужасе, среди полночной тьмы,
Бояре во дворец народ впустили.
А мертвый, стоя, белый, пел псалмы
И толковал значенье русской были.

Он пел три дня, не открывая глаз,
И возвестил грядущую свободу,

И умер как святой, в рассветный час,
Внушая ужас бледному народу.

Ангелы опальные

Ангелы опальные,
Светлые, печальные,
Блески погребальные
Тающих свечей, –
Грустные, безбольные
Звоны колокольные,
Отзвуки невольные,
Отсветы лучей, –
Взоры полусонные,
Нежные, влюбленные,
Дымкой окаймленные
Тонкие черты, –
То мои несмелые,
То воздушно-белые,
Сладко-онемелые
Легкие цветы.
Чувственно-неясные,
Девственно-прекрасные,
В страстности бесстрастные
Тайны и слова, –
Шорох приближения,
Радость отражения,
Нежный грех внушения,
Дышащий едва, –
Зыбкие и странные,

Вкрадчиво-туманные,
В смелости неожиданные
Проблески огня, –
То мечты, что встретятся
С теми, кем отметятся,
И опять засветятся
Эхом для меня!

⟨1899⟩

Слова любви

Слова любви, не сказанные мною,
В моей душе горят и жгут меня.
О, если б ты была речной волною,
О, если б я был первой вспышкой дня!

Чтоб я, скользнув чуть видимым сияньем,
В тебя проник дробящейся мечтой, –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.